

Альмира Исмаилова
Алматы
Июль 2025

ТУАЛЕТНЫЕ ИСТОРИИ

Пьеса написана в рамках курса документальной драматургии Un/Told в 2025 году

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

НИЛГУНА

КАТЕРИНА

РОМА

АНЯ

БАБУШКА АНИ

АЙС

РИТА

ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА

МАША

ГОЛОВАР

АРУНА

ТЕОНА

МАЛИКА

ТУАЛЕТНАЯ ПОЛИЦИЯ

ГОЛОВАР. Этот туалет я лично выкопал.

В моем дворе было, ну, получается исторически вот три выгребных ямы, ну, туалета. Первый я видел своими глазами, но не знаю, что там было внутри, в раннем-раннем детстве мне не разрешали ходить в сельский туалет, ну, просто в горшок, да, делал. Во второй я ходил. А третий я сам выкопал.

Это в Забайкальском крае находится село. У меня там был дом, в нем не было туалета как бы, да, было помойное ведро под умывальником. Моя семья любит ночью туда ходить, а я нет, я не люблю. Я всегда в туалет на улице, даже если зимой ночью -40.

Мне папа рассказывал, что у нас тут земля, она бывшая типа бывшее дно реки большой, типа миллион лет назад тут была река, ну или несколько тысяч лет назад. И

от нее осталось, ну, камни, типа почва, она очень-очень-очень тонкая. А дальше там какой-то гравий, камни, вот это вот, и песок.

Сначала легко, а потом все тяжелее и тяжелее становится ее копать. Но даже так, я настоял на том, чтобы прокопать глубже, чтобы, ну, чтобы яма подольше продержалась. Мы сделали там опору. Чтобы яма сама себя не закопала, ну стенки сделали.

Здание туалета, оно на четырех бревнах типа платформа, и стоит над четырьмя стенками, ну, которые уже над выгребной ямой. Вот. Конструкция устойчивая более-менее. До сих пор, сколько лет прошло.

АРУНА. Мы же в ауле же росли. И у меня был очень интеллигентный ата (с каз. дедушка) мой, и он любил читать книги. И вот он в нашем этом деревянном туалете (ну, в какой-то момент, видимо, зрение у него стало падать), и он прорубил окно сзади, чтобы был свет. И когда мы приехали, а мы летом туда приезжали, и получается, моя мама, она была ему келинкой (с каз. сноха). И я почему-то так помню, но я маленькая, а я помню, как мама моя с таким гоготом там вываливается из этого туалета, потому что окно, которое он прорубил, оказалось как раз на уровне задницы, если как бы вставать. И я помню, она ему говорит, ну, наверное, выражение «эротический туалет», она не могла сказать. В то время такого не было. Ну, что-то она ему сказала, вот что-то типа, что туалет ваш не очень приличный. И я помню, он бедный так недоумевал. Потом он закрыл это окно частично этими газетами.

Причем, знаешь, он был абсолютно казахоязычный дед, но у него тогда, видимо, мало книг было, не так много на казахском, но у него было собрание всех там. Вальтер Скотт, я помню, Бальзак. Я маленькая была, конечно, не могу понять, как-то он это все читал. Видимо, он все-таки русский знал, но плохо говорил, наверное, вот. Потому что книги были там великолепные, просто. Мне было, может, там восемь лет. Они были взрослые для меня, неинтересные книги. Но я помню, что там было все. У него была целая, ну, по тем временам, наверное, книжные шкафы. Он учителем работал казахского языка, соответственно, был образованный. ...я помню, читаешь в туалете что-то, и тут раз прервалось, а кто-то уже выдрал. И обычно в семье же все любили поржать, и кто-то выходит и говорит: «Эй, а чё там было дальше?» Потому что не было туалетной бумаги, по-моему, вообще как явления.

ТУАЛЕТНАЯ ПОЛИЦИЯ. (*из «Истории и физиология парижских бульваров*

от площади Мадлен до Бастилии» Бальзака) Они движутся, словно тени, словно блуждающие огоньки!.. И двух бульваров не пройдешь, как уже встретишь друга или врага, какого-нибудь оригинала, вызывающего смех или повергающего в глубокомысленные размышления, бедняка, который молит о милостыне, или водевилиста, который молит о сюжете, – они оба неимущие, и все же первый богаче второго. Здесь можно наблюдать комедию костюма. Сколько людей, столько разных костюмов, и сколько костюмов, столько же характеров! В погожие дни появляются здесь дамы, но не разряженные. Нынче туалеты вы увидите на Елисейских полях или в Булонском лесу. Прогуливающиеся по бульварам светские дамы только следуют

прихоти и покупают кое-что ради забавы; они быстро проходят мимо и ни с кем не здорова...

АРУНА. Эй, а чё там было дальше?

РИТА. У моего дядьки – он был живой, дядя Миша, и он разводил лошадок – у него всегда была лошадка. И когда мы приходили в баню, там с детьми, он эту лошадку привязывал возле туалета. А она молодая, ей все время хотелось повернуться и посмотреть, кто там. А тут случилась со мной оказия. Я зашла в туалет, значит, а она решила посмотреть кто там. И повернулась очень неудачно, крупом закрыла, дверь вот так прогнулась в мою сторону. Я, естественно, заголосила так, что брат вышел на крыльцо. Дети выскочили, и Илюша мой маленький, он маленький тогда был, четыре года, и он кричал: «Маму, маму лошадка задавила!» Дядя сказал: «Что ты кричишь, сейчас я ее уберу». Понимаешь, ну что ты так разволновалась. Он докурил. Потом неспеша лошадку как-то там развернул, вывел. Вот и я, значит, вышла совершенно зеленая от ужаса. Они там все дружно посмеялись: «Нашла чего бояться. Ну, повернулась и повернулась неудачно. Шо ж так орать-то?»

АЙС. Около нашей книжки, здания милиции, вот я там у них на парковке ходила. Линка ржет: «Тебя там камеры зафиксировали». Я говорю: «Мне пофиг, я просто шла, села, поссала и дальше пошла. Во дворах раньше я ходила. Это, наверное, университетские годы, 12-13-й год, когда начинала работать только, я просто, когда заходила, садилась, машина во двор заезжает, куда ты денешься, если ты уже писаешь. Лицо вот так руками закрываешь. А кто, не поймет же. Ну лицо же не видно. Как они меня определяют, что это: О, сидит Айсулу, а я просто руками так вот лицо закрывала. Как анекдот же был: в бане, когда заходят в женскую баню, забегают мужчина, по национальности, кто как там закрывается, кто-то там грудь прикрывает, кто-то там письку прикрывает. А мусульманка закрывает лицо, потому что типа лицо не узнал. Ну, там всё одинаковое, по сути, да? Не узнаешь. А вот по лицу тебя могут узнать, а ты лицо закрыл и тебя не узнали по сути. Мозга-то есть у меня.

МАША. Моя мама была завотделом научного атеизма, который позже, когда религия стала разрешена в Советском Союзе, просто переименовали в историю православия. Это одно и то же по сути, что научный атеизм, что история православия. Но это смешно. Они экспозицию даже не поменяли. И вот она работала, сидела. У нее был кабинет в Успенском соборе Княгинино монастыря. И я там после школы приходила к ней, да и там вот был туалет, там сзади нужно было пройти через весь храм, где были фрески, иконы, где горели свечи. Но это была экспозиция при этом, потому что экспозиция была этому посвящена, где выставлялись рясы. И вот ты проходишь через это сакральное, сзади, на самой задней комнате была маленькая комнатка, где висел космонавт, который, собственно, вот все это обесценивал, одновременно, говоря, что «ребят, вот тут все поняли про религию, но на самом деле, там не бог, а космос, там вот космонавты». Там висел космонавт, и нужно было пройти через эту маленькую комнату, где космонавт, чтобы попасть в туалет. Так вот, самая страшная комната была с космонавтом. Она какая-темная и на задворках. И такое ощущение, что она отделяла себя от защищенного пространства храма.

ТЕОНА. В Балыкчы по дороге на Иссык-Куль в магазин Spar, где все закупаются, большой прям супермаркет, и там уже можно готовую еду взять, и там же поесть, и погреть. Там хорошие туалеты. И в один из последних разов, когда мы ехали, я как бы захожу в этот предбанник, где раковины, мою руки, там маленькая девочка, пяти, наверное, шести лет находится.

И я начинаю привычно заходить в одну из дверей, и она меня останавливает, держась за мою одежду и очень серьезно мне говорит: «Вам туда нельзя. Там мужчины». Типа ходят. Я не понимаю, что происходит, потому что у меня в какой-то момент расслоение реальности. Я говорю: «Что? В смысле?» Она говорит: «Там мужчины, вам туда». В другую дверь показывает. Там в том-то и дело, что туалеты вообще негендеризированные и она не хотела, чтобы я пошла в один (где мужчины), а пошла в другой, при том что вроде бы вообще никого не было в туалете в этот момент кроме нас.

При этом она очень серьезно это сделала. И как бы она еще, я так, ну ладно, захожу в эту дверь. Я вижу, что она типа смотрит, в какую дверь я иду. Такая вот туалетная полиция в виде маленькой кыргызской девочки.

ТУАЛЕТНАЯ ПОЛИЦИЯ. Дорогие девочки! Если еще раз, вы испачкаете менструальной кровью стены в туалете, я наведу «порчу» на кровь, а те, кто целует зеркала знайте, что их моют тряпкой д/унитаза.

АРУНА. Школа была вполне себе такая, центровая. Но я знала, я сама, может, не видела этого, но я знала, что это происходит. Иногда зайдешь там в туалет, а там какая-нибудь кровь на раковине, наверное, кого-то там, может, прибили или что-то еще. Какие-то были такие вот моменты неприятные, потом там, наверное, курили. Вот я почему-то запомнила, что очень боялись они выпускных, потому что на выпускных все напивались, там и накуривались. И тогда я помню, что, когда у меня был выпускной, они охранника еще и поставили возле туалетных окон, потому что, оказывается в школу проникали непонятно кто именно из туалета. Всякие наркотики-шмаркотики всё это было вот оттуда. Ну, такое место, как бы мы старались по возможности или ходить группой, вот девочки, подружки, либо я еще когда уже старшекласницей была, я еще приучилась ходить в учительский туалет, а они нас оттуда гоняли, конечно же, но в учительском хотя бы была закрывашка.

АНЯ. Это происходило более или менее везде, то есть, например, первую неделю они просто жгли мои вещи. Я дралась с ними там на уроках. Не знаю, там, передавали, там не знаю, тетрадки школьные и там мне не отдавали мою тетрадь. Говорили, что это типа только там для славян, только для русских, какую-то хрень.

Мы стояли в туалете. Она что-то про меня говорила, мне на самом деле, когда про меня говорили, мне было уже все равно. А потом она сказала, что типа там «твои родители типа понаехали к нам в Питер» что, конечно, очень смешно. У меня бабушка родилась в Ленинграде, у меня мама родилась в Петербурге. Как бы понаехали, понаехали и вообще типа лучше бы вас всех убили.

Вот такое, в этом смысле. И она рядом со мной стояла, я просто ее сильно толкнула, она толкнула меня. И потом я ударила ее в лицо. Ну, короче, мне кажется, я попала ей просто косточкой руки в нос.

РОМА. Это был садик, по-моему, последний год садика. Я пошел в туалет пописать, и там меня ждал парнишка Тимур. Я причем помню его имя. Я практически никого не помню имен, но его я помню имя, Тимур. И он был с какими-то ребятами еще.

Я не помню, на какую тему был разговор. Но получилось так, что они, как бы, грубо говоря, психологически на меня давили. А потом Тимур дал мне коленом в пах в туалете возле писсуаров. И это было очень больно.

Может быть, это было даже связано с тем, что у меня был необрезанный член. Ну, это не точно, но, возможно, все-таки узбеки и татары они часто делали обрезание. И у нас как бы, ну, многие делают в регионе, и, может быть, тогда кто-то увидел или сказал. И, по-моему, на этой почве потом пошли и проверялись у врача, и он предложил сделать обрезание, и мы отказались.

МАША. Я была в туалете и в туалете в очередной раз меня кто-то толкнул или задел, ну, или что-то. И я не знала много ругательств на тот момент. Но я сказала: «Duра» - «blöde Kuh» по-немецки. А девочка была турчанка. А турецкий клан в этой школе был сильным. И с этого момента они пообещали мне, что от меня мокрого места не останется. Ну, мне перевели. Я на тот момент не знала немецкого языка. И вот, действительно, я несколько недель не могла ни прийти в школу, ни выйти из школы, потому что меня все время караулили везде, на всех входах и выходах, въездах и выездах из школы.

Я приезжала на велосипеде в школу, ждала, когда прозвенит первый звонок, когда они уйдут, а они просто мониторят со всех. Ну, вот такой у них спорт. И спустя две недели девчонки, которые были со мной в классе иностранцев, а тогда тоже было много эмигрантов из Казахстана, Узбекистана, Таджикистана. Ну, так называемые “русские немцы” переезжали. И вот девчонки из Казахстана, которые говорили по-русски, они в какой-то момент сказали: «Ну что, Машка-профессорша!», будем тебя теперь защищать. Пойдем, значит, поговорим. Там нас Каюм крышует. А Каюм был самый красивый и самый сильный мальчик из Узбекистана и самый взрослый. Да, он был уже в последнем классе. И привели меня, значит, девчонки к Каюму типа, ну вот дура какая-то приехала, с турчанками завязала базар. Типа нужно как-то ее отбивать. Каюм посмотрел на меня, сказал, ладно, будешь теперь с нами ходить. Ну и вот тут с этого момента началось мое личное «слово пацана, кровь на асфальте» только в Германии и среди переселенцев.

НИЛГУНА. Я считала себя монстром. Я думала, что я супернекрасивая, что такие люди, как я, не должны существовать, что я не имею права на жизнь. Я себе начертила обходные пути, такие черные выходы, чтобы прийти и уйти незамеченной, чтобы никого не было даже по дороге, я, как крыса, собиралась быстро-быстро добежать, лишь бы не привлечь внимание.

Я избегала перемен. Я училась в корпусе на втором этаже, у нас на перемене, когда дети собрались, и я там стояла, я просто, они резко начали бежать и я потеряла уже координацию. И потом получилось так, что то ли меня толкнули с лестницы, то ли я сама упала. Я так дважды падала с лестницы в толпе. У меня до сих пор в голове есть шрам. у меня голова была проколота, то есть у меня над глазом есть шрам.

Я старалась в школе никогда не ходить, из-за этого я в школе и не ела, и не пила. Я даже не знаю, где у нас там санузел был, я даже не помню, потому что я никогда им не пользовалась. У меня было так, что у меня школа, где-то рядом с домом. И если чересчур прям, я могла прийти домой, сделать свои дела и пойти обратно. Было даже

такое, мы же все маленькие. Было такое, что все спрашивали: «А где Нилгуна? А где Нилгуна?». А они такие: «Она пошла по-маленькому к себе домой. Это, конечно, стыдоба была. В школе было опасно ходить, с детьми опасно ходить».

МАША. Там били, каждую перемену друг друга били. Друг за друга люди держались, независимо от того, откуда они были – Узбекистан, Казахстан, Таджикистан. А те, которые беженцы военные с регионов Югославии, они против друг друга. То есть у них было разрозненное, разобщенное, мелкие стаи. А у нас была одна и большая. Поэтому, конечно, никакие турецкие кланы уже против этого не шли. Тем более что уровень жестокости, скажем так, постсоветских детей был гораздо выше и гораздо бескомпромисснее. То есть можно сказать, что мы все-таки из пост-пространства вынесли очень много жестокости, которая идет до конца. Но да, это был такой импорт, такой импортный товар.

У нас в школе дежурила, в принципе, полиция на каждой перемене, потому что дети приносили с собой холодное оружие и резали друг друга практически каждую перемену, ну или пытались порезать. Потому что столкнули лбами, собственно, вот в одной школе все народы, которые в тот момент в состоянии войны.

ТУАЛЕТНАЯ ПОЛИЦИЯ.

В туалете запрещается:

- бегать, прыгать, вставать на унитазы и урны ногами. Это не место для игр! Кафельная поверхность и небольшая квадратура травмоопасны;
- бросать в унитаз посторонние предметы;
- использовать санитарное оборудование и туалетную бумагу не по назначению;
- собираться с другими учащимися для общения и бесед;
- курить в туалете;
- использовать помещение не по назначению.

ЗАПОМНИТЕ, что туалет – это не место для беседы и обсуждения прошедшего дня. Это попросту негигиенично!

В СЛУЧАЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ АДМИНИСТРАЦИЯ ОСТАВЛЯЕТ ЗА СОБОЙ ПРАВО УБРАТЬ ТУАЛЕТНУЮ БУМАГУ ИЗ ТУАЛЕТОВ.

Администрация школы

АРУНА. Там митинг был против власти, применялась пытка, помнишь, когда на площади брали этих людей, их брали в кольцо и держали несколько часов на ногах. И их не выпускали в туалет никого. Я еще тогда подумала, это такой фашизм какой-то, да? Для меня это вообще какой-то ужас. Близко на площади, в Самале это все происходило, под нашими окнами. Мы окна открывали, был очень сильный запах вот этих звуковых бомб, гари. Я не знаю, куда они ходили, но, наверное, там же и ходили. В основном мужчины были.

Я в тот день шла такая с компьютером, с утра мы пошли с моим боевым товарищем, мы встретились в кофейне, мы писали чего-то там, она свое, я свое. И потом мы попрощались, и я пешком иду домой, а иду я через площадь. Вот я смотрю, площадь уже полна была всяких танков, чего-то такое. Но меня спокойно пропустили, я домой дошла. Это было 4 января. Я думала, что вот эти звуки, бомбы. Вначале я думала, что

люди, фейерверки, Новый год, да. Мы как раз дожрали все остатки вот новогодние. И вроде как в магазин надо, и народ весь, я смотрю, на сегодняшний день народ пошел по магазинам. Ну, как бы, видимо, продукты кончились. Полная была здесь улица, у нас закрыта, Жолдасбекова улица. И там стояло три полицейских машины, и люди с ними все разговаривали, люди шли с пакетами, а они все время в свою мигалку говорили, вот в эту штуку типа «Люди, идите домой, в городе террористическая операция».

Потом, знаешь, как я поняла, что что-то не то. В какой-то момент я смотрю, это было 4 часа дня, вдруг вся эта полиция садится в эти машины резко, и они с этой улицы уехали. А я продолжаю смотреть. И вот дальше мне показалось, что у меня уже крыша съехала, потому что вдруг я вижу, что по нашей улице начинают ездить очень-очень редкие машины, и они ехали либо по встречке, либо посередине дороги. И они здесь где-то останавливались что-то, и из них выходило там по три, по четыре человека. В основном парни, уже начало темнеть. Я помню, я, когда на них смотрела, я понимала, что эти люди первый раз здесь, потому что они, когда выходили из машины, они не знали, куда идти.

Это было очень беспорядочное такое движение, они куда-то группировались. Потом опять, они куда-то бежали, они что-то доставали, потом назад. Они очень беспорядочно себя вели. Вот. И потом они начали останавливать другие машины, тоже очень странно прямо посреди дороги. Мне было так неудобно от этого. Что-то людям говорили, кого-то пропускали, кто-то уезжал назад. В общем, там была какая-то фигня вот такая вот. И вот было какое-то такое броуновское движение, потому что они не были очень хорошо подготовлены. Ну, потом они уже разбирались, они шли в сторону уже площади, туда уходили. Мы вот это все видели из окна. И ты знаешь, самое смешное, я попала, ну, дня через два мы уехали к сестре, а у нее двое малышей. Там два года и пять лет. Ну и я с детьми играю. И в какой-то момент я смотрю вот дети, знаешь, как играют? Вот они что-то берут, тащат, перекладывают, что-то берут, тащат, перекладывают. И они мне так напомнили вот этих мужчин. Вот они такие же беспорядочные совершали какие-то вот, знаешь, движения. Я поняла, что вот эти мужчины они вот напоминали мне действительно, вот этих хаотичных малышей.

Я не помню точно, потому что было темно, они все были в какой-то полуспортивной темной одежде. Днем я увидела, как бежали солдаты, солдаты бежали вверх, через Самал они бежали в Достык, они убегали. Оказывается, за ними гнались, они убегали. У меня зрение такое, хорошее, но не сильно яркое. Я увидела, что-то, мне показалось, что это гигантская черепаха такая, знаешь, серая, а оказалось, что это группа, вот солдат, их, наверное, человек было двадцать. И они убегали, убегали, за ними гнались. И потом я увидела вот этих людей странных у нас здесь. Кто были эти люди, я не знаю, но они были не отсюда, в общем. Ну, как-то вот их свозили сюда. Как-то, кто-то их привозил.

Я не думаю, что там было, знаешь, черно-белая, там одна сторона против другой, что-то смешалось, непонятно что было. Вот хаос, хаос такой. И в такой момент ты действительно понимаешь ты как бы беспомощен вот в этой ситуации, ничего не работает. Полицию ты не вызовешь. Скорую, ты не вызовешь. Если у тебя жратвы нет, будешь сидеть без жратвы, понимаешь, голодный.

Я вспомнила как за полгода до этого в Афганистане же талибы пришли к власти. И вот я помню, как я читала, как там же у них в Кабуле такие панельки-четырёхэтажки, как у нас. И что тоже жила вот такая, как я, женщина одинокая с отцом. И они постучали к

ним в дом, и она, просто понимая, что сейчас ее там схватят, утащат, там изнасилуют или выдадут замуж, она просто прыгнула с этого четвертого этажа. Я просто думала, что я же была у папы, я жила с папой, папе моему 72 года. А тогда пошел слух, что вот эти бегают ваххабиты и там всех насилуют и так далее, кричат «Аллаху акбар». И вот ты знаешь, я тогда задумалась, что, по сути, если сейчас кто-то сюда придет и никто нас не защитит.

ТУАЛЕТНАЯ ПОЛИЦИЯ.

Токаев: За рубежом высказываются призывы к сторонам провести переговоры для мирного решения проблем. Какая глупость! Только на Алматы напало 20 тысяч бандитов. Демократия – это не вседозволенность. Правоохранительным органам и армии мною дан приказ открывать огонь на поражение без предупреждения.

(Из *РЕСПУБЛИКА.kz.media* от 16.11.2023) Четырехлетняя Айкоркем Мелдехан погибла 7 января в Алматы, когда в городе действовал режим ЧП. Машину, в которой она была вместе со старшими братьями и сестрой, обстреляли, и пуля попала Айкоркем в голову. Девочка умерла на месте. Ее сестра была тяжело ранена. Отец детей Айдос Мелдехан насчитал в машине 20 отверстий от пуль. Он рассказал, что баллистическая экспертиза подтвердила, что оружие, из которого сделаны выстрелы, используют военные.

АРУНА. Я помню, мы еще, мы вначале у себя были Самале, а потом мы уехали к сестре в горы. Слушай, у меня не было ни копейки. Но хорошо, у моего папы была типа пенсия, он ее снял, он оказывается держал наличные, мы этим и спасались. А иначе я не знаю, как бы мы выжили. Мы стояли в очереди за хлебом, и приехал парень и он продавал по 1000 тенге за лепешку. Но у него, знаешь, вся машина была в пулях. Я на это все посмотрела. Он реально, как бы, знаешь, пострадал. Потому что машина была продырявлена вся. И я поэтому не стала ничего говорить. Я думаю ладно, пусть заработает на этом хлебе дурачком. А зачем нам нужен был этот хлеб, я тоже не могу понять. Вроде бы мы его так и не едим. Вот знаешь, как вот в истерике – надо хлеба купить.

ТЕОНА. я выходила в пикет напротив посольства Казахстана, против использования войск ОДКБ российских в Казахстане. Потому что не было никакого общественного обсуждения того, что происходит. И было понятно, что нужно это сделать. При этом было абсолютно понятно, что тут-то меня уж точно возьмут, потому что у меня за 10 лет как бы митингов, всяких политических акций, всегда была суперудача, на то, что я всегда ускользал от ментов. И тут, естественно, не знаю, 30 секунд я не простоял со своим плакатом. Меня взяли whatever.

Оформили административку, массовые беспорядки сфальсифицированные, которые прямо у нас на глазах с адвокатом делали вместе с людьми, которые находились ни там, ни здесь. И дальше были мемы, потому что мне попалась судья, которая посадила Pussy Riot. У нас был очень смешной суд, где 40 минут объясняла ей, что такое перформанс, потому что ее просто заинтересовало, что у меня в графе было указано, что художник перформанса.

РОМА. Я думал, хотя бы какая-то информация появится в интернете в смысле о том, что 20 лет Андигану, ну и люди интересуются, где-то увидят мой спектакль. Но вообще ничего не было. Я специально гуглил, я нашел пару статей очень коротких, а

так вообще, тишина была полнейшая, везде почти. Я подозреваю, что это переросло, во что-то большее. Я подозреваю, что люди просто забыли и забыли. То есть это сейчас так происходит. Забыли и забыли. Вот и все. Даже от моих знакомых я слышу плюс-минус то же самое. Они говорят о том, что типа ну, были же потом столкновения в Нукусе, как бы. И Андижан противоречивый, он был давно, и типа это уже не актуально. Типа такого. Думаешь: «Ну, ок, ладно, я бы так не сказал, но раз ваше мнение такое, я не спорю».

Спектакль заканчивается сценой в туалете. И туалет для меня, на самом деле, ни фигу не безопасное пространство, вообще ни разу, как мне кажется, наоборот, для меня это более такое какое-то уязвимое в каком-то смысле. Просто нужно быть готовым, что всегда какая-то херня произойдет. Вот та же Катя не даст соврать. Я люблю контролировать все и вся.

Спектакль – это возможность рассказать, высказаться и прожить. И это тоже возможность что-то вынести для себя из подсознательного в осознанное и таким образом бороться с этим, и контролировать это, создать какую-то иллюзию, хотя бы контроля.

КАТЕРИНА. На последнем спектакле одна женщина сказала: «Вот вы считаете себя узбеком, вы говорите, что любите Узбекистан? А почему плохое рассказываете? Почему спектакль не о чем-то радужном? Почему спектакль не похож на финальную сцену с танцем «Андижанская полька?»»

РОМА. Финал спектакля «Андижанская полька»:

«Я приехал на площадь и перед глазами встали картины событий, о которых я читал. Теперь здесь стоит гигантский флаг Узбекистана. Сердце заколотилось. Хотелось убежать и спрятаться. Я пошел в парк через дорогу. Казалось, за мной следят. Начало накрапывать. И тут у меня свело живот. Я на полусогнутых мечусь по парку, ищу туалет. Начинается ливень. Я промок насквозь. Я обхожу весь парк вдоль забора. Я нахожу грязный сортир. Там сломана сидуха. Пол уже по щиколотку в воде. Я спускаю брюки. Я залезаю на унитаз с ногами. Держаться не за что. Наконец я посрал. Мне нечем вытереться. Я слезаю. Я снимаю обувь. Снимаю брюки. Снимаю трусы. Я вытираюсь ими. Одеваю брюки, но они все уже испачканы. Последнее воспоминание про Андижан, как я бегу под проливным дождём в обосранных брюках в отель и сразу уезжаю домой».

ТУАЛЕТНАЯ ПОЛИЦИЯ. *На фото изображено помещение, напоминающее старый или заброшенный общественный туалет с рядом напольных отверстий для нужды (так называемые «азиатские туалеты» или «унитазы типа дырка в полу»).*

- **Интерьер:** длинное, узкое помещение с белыми стенами, местами потрескавшимися и испачканными.
Пол: бетонный, грязный, на нём разбросаны обрывки бумаги.
Санитарные точки: в полу вырезаны прямоугольные отверстия, выложенные кирпичом — их около шести, они расположены в линию без перегородок между ними.
Состояние: помещение выглядит заброшенным или давно неубираемым.

*Следов водопровода, смыва или канализации не видно.
Это может быть пример крайне базовых санитарных условий в каком-либо учреждении или лагере.*

РИТА. Это старая Алма-Ата (*от авт. сейчас – Алматы*), которая сохранилась со времен еще конца войны, скажем так. И у меня, когда мы жили в старом доме, через дом, в 40-м, одноподъездном, жила соседка Галина Николаевна, которую привезли сюда в каком-то там 5-летнем возрасте, что ли. Нет, наверное, побольше, и она была свидетелем всего того, как район потихоньку перестраивался. То есть она сказала, что вот этот твой подъезд нынешнего дома в 49- году строили два военнопленных японца. То есть все было, во-первых, засажено кустами, кустами сирени. Сирень благоухала, черемуха была, были фруктовые. И у меня даже в палисаднике сохранились еще и груша, и абрикосы, то есть все это благоухало и плодоносило.

Но на задах стояли сарайки, обязательно деревянные сарайки, в которых народ хранил все, что там не помещалось в доме, все хранил, в том числе там запасы, соленья-варенья и так далее. И стояли, стояли деревянные эти уборные, туалеты, их называли уборные. Вот у них дом был одна одноподъездный еще и тогда. На дом только два туалета мужской и женский, с дырочками, чтобы можно было видеть, что там кто-то сидит. Все было деревянное. И туалеты смотрели прямо в окна дома. То есть далеко никто не убегал. Вот перебежишь там дорожку и все.

РИТА. Галина Николаевна, дак запахи?

ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА. Ты знаешь, мы не чувствовали. Видимо, благодаря вот этим всем кустам сирени. (Смеется) Если, допустим, прихватит поздно вечером, то я по ходу продвижения в этот туалет, значит, могла сорвать ветку сирени и там ею, значит, обмахиваться.

Два туалета, то есть мужской и женский. А в доме 14 квартир. То есть ни у кого не было туалетов и не было канализации, не было никаких. Была только холодная вода проведена.

РИТА. Ну и как вы справлялись?

ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА. Ну, постоишь там какое-то время, подождешь.

РИТА. Ну а, допустим, зимой?

ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА. Ну, а зимой у всех стояли ведра. То есть справлять малую нужду в ведра, а потом все это выносилось. А большие проблемы – приходилось поджидать.

РИТА. Самое интересное, что, когда потом в эти дома провели канализацию и провели горячую воду, вот эти туалеты стали сносить. И стали сносить вместе с сарайками, потому что... боялись, что пожар – они ж там мужики собирались в этих сарайках, курили там, выпивали... У кого-то если какой-то мотоцикл или какая-то машинюшка заводилась, то они там как-то вели себя очень неаккуратно, потому как все курили. И значит, вот решили сносить.

ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА. Приехал бульдозер просто-напросто, и в одно мгновение он снес все эти хлипкие сооружения. Но дело в том, что в погребках-то были запасы, ты представляешь. И они просто засыпали все это, несмотря на вопли, крики, угрозы. Просто засыпали и всё. Вот в один момент. Люди привыкли к каким-то подсобным помещениям. Точно так же и к туалету долго не могли привыкнуть. Вот, свекор всё время выходил на улицу. Ну выйдет – нету, вроде как зайдет. А по малой нужде начинал в кусты справлять. Его всем домом начинали гонять. Ну это же вообще безобразие. Он всё не мог никак успокоиться. Приехал бульдозер просто-напросто и в одно мгновение, значит, снес все эти хлипкие сооружения.

КАТЕРИНА. Дом находится в Чирчике. Это старый двухэтажный дом 50-х годов, может, даже раньше 48-х. Он кирпичный и деревянный. У нас есть печь, титан. То есть у нас не проведена горячая вода, мы затапливаем.

Мне было лет 16-17, да, 17. Я забеременела, и бабушка мне дала таблетку. Вот... витаминку. А она оказалась таблетка для выкидыша, и в этом туалете случился выкидыш. И по сути, это были роды. Из меня вылез плод примерно сантиметров восемь. Вот. И мне было очень больно Вид плода в плаценте, в каком-то мешочке. Вот то, что я запомнила последнее. Как я увидела плод, я сразу сознание потеряла. Я упала в обморок. Наверное, я лежала без сознания, ну, достаточно долго, минут 20-30. Я была закрыта. Дядя выбил дверь, вытащил меня. Кстати, история про то, что дверь открывается и с одной, и с другой стороны есть замки, это как раз-таки, потому что дядя выбивал дверь, чтобы меня достать оттуда.

Дядя выбил дверь, он прямо вырывал ее. Он ее вырывал, и она чуть-чуть покосилась. До этого она могла держаться, не открываться сама по себе. У меня до сих пор в глазах, как я в этом унитаза вижу своего ребенка, и я в полуобморочном состоянии, когда приходила в себя, бабушке говорила: «Похорони его». И с этого унитаза бабушка его достала и похоронила его во дворе.

Я тут оправдываю бабушку, так как я была болезненная. Я хотела сохранить ребенка, а меня сбила машина, там еще всякий трэшак ужасный. Ну, как бы, плод бы не выжил. И я бы, возможно, не выжила. Не хочу вдаваться в подробности этой истории. Ну как сам факт выкидыша и меня маленькой вот этой переживающей эмоции какие-то, которые даже тяжело пережить во взрослом возрасте. Это не было от человека, которого я любила. Но ребенка я хотела бы сохранить. Тогда я думала, что я хочу его сохранить, попробовать. Как-то так, наверное, вот что я испытываю по этому поводу. Мне жаль этого ребенка, я его обнимаю. Мне жаль меня ребенком, в общем. Я писала стихи об этом какие-то.

Мам, я теперь стал частью клёна

С зелёными листьями весной,

Ты помнишь меня эмбрионом,

Ты дала мне жизнь в другом.

Мам, теперь я часть кислорода,
Я в твоих лёгких, ты дышишь мной,
Хватит вспоминать те мёртвые роды!
Посмотри, я везде! Я живой!
Мам, я теперь могучее дерево,
И это возможно лучший вариант,
Я не знаю лжи, лицемерия,
Всё хорошо, со мной сёстры и брат.

ТУАЛЕТНАЯ ПОЛИЦИЯ (*Из «Казахстанской правды» от 11 мая 1946 года*).

Торжественно, радостно и весело отметила столица Казахстана первую годовщину всенародного праздника. Накануне над Алма-Ата (*от авт. Алматы*) разразилась небывалой силы гроза. К рассвету небо очистилось от туч. Над городом занялось лучезарное утро. Широкие проспекты, улицы и площади города с самого раннего утра наполнились празднично одетыми людьми. В 2 часа дня состоялся карнавал Победы в парке имени 28 гвардейцев-панфиловцев. Гремит медь оркестров. Молодежь танцует, веселится. Весь день в городе бурлило...

РИТА. Когда они отступали, это был кошмар и тихий ужас. Делился дед, что, естественно, перед боем как-то им полагалось оправиться. Но это делалось так, что если, допустим, траншея выкопана — то где-то в дальнем углу траншеи. А если идёт наступление и некогда — то есть вообще никак. То есть всё это делалось буквально на ходу и в штаны. Поэтому — он говорит — и вшивели сильно очень, и дизентерия была очень распространена, и вот этот вот тиф короче был, особенно в начале войны. А потом уже, после 43-го года, когда наступление шло, уже стало полегче. Уже приспособились к войне. Какие-то делали отдельные, копали окопы, и какой-то делали отвод такой, чтобы могли там сделать.

Всё равно мужикам полегче — снял штаны да сделал свои дела. Но если проблемы вот с такой большой функцией — то, конечно... Но, он говорит, и такого-то особенно не было, потому что всё время впроголодь, впроголодь. До 43-го года очень плохо снабжали. Они по несколько суток могли на сухарях как-то сидеть. И обозы обычно либо не доезжали до цели, либо их там бомбили по дороге. После 43-го всё поменялось, снабжение стало лучше, они как-то побогаче стали. Ну а потом дядька рассказывал, что как только занимали какой-то населённый пункт, какая-то часть бойцов уходила на зачистку, а какая-то часть становилась на отдых. Сначала все делали свои дела. Туалеты были, возле туалета. Потом мылись, стирались.

Но, — говорит — вонючие были всё время. Потому что если бой идёт — то тут говорит, от того, что вот сотрясается, непроизвольно ты мучишься. Ну, психика такая у человека. Естественно потом... А, — говорит — привыкаешь, конечно. Привыкаешь. Я говорю: «Как это — привыкаешь?» А он: «Привыкаешь, и не до не до запахов, потому что всё время идёт борьба за выживание».

Боишься умереть и довольно часто было, когда в атаку поднимают — у кого-то медвежья болезнь. Я вообще не представляю, как бы я встала в атаку. Вот это самое страшное — встать в атаку. А ты попробуй не встань.

ГОЛОВАР. Многие, конечно, на СВО поехали денег заработать. У нас там кредит на кредит, кредит кредит уплачивает. Там на дрова всегда цены увеличиваются. Была новость в прошлом году, что в каком-то поселке в Бурятии, там цены на дрова, там больше 50 000 за какую-то часть, не за весь этот, ну чтобы на зиму хватило, а там за какую-то часть больше 50 000. И типа, блин, бедные люди, у них там зарплата в поселках в районе 20 000, и как-то вот так вот, да? А кто виноват, как-то это не артикулируется.

У нас все село сильно пьющее, и там соседние тоже села. В городе, как будто бы поменьше, а в селе там все такое, алкогольное. Ну, мне кажется, друг друга, типа кого видят, в первую очередь, в первую очередь перед собой это друг друга. И вот это как бы ты не один это делаешь, а вместе с кем-то. И оказывается, что это он виноват, а не я или не кто-то там свыше. Это чтобы догадаться, что это как-то более системная проблема, нужно время, нужно трезвый ум хотя бы.

РИТА. Вот у меня племянник воюет, но не фронтальная часть, как бы механик, видимо, обслуживает то оборудование, которое идёт следом. Хотя они попали в эту Курскую операцию — его сильно контузило, ранило, контузило. Командир их погиб. Несколько ребят погибло. Они вдвоём с другом где-то они видимо под машиной сидели, пока ехали. Короче, они остались да, живы.

Артемка что говорит, что у них там всё как-то организовано, то есть есть места типа как биотуалетов, я так понимаю, что ли, всё организовано, всё продумано. Я тоже спрашивала: «У вас там быт налажен?» Он говорит: «Налажен, всё нормально».

РОМА. Короче, я вчера ходил в туалет на вокзал, получается, тут метро же бесконечное. Получается, запутался в метро, вышел в туалет на вокзал, из метро прям. И много людей в форме, во-первых, в форме, во-вторых, видно уже, как я понимаю, отправили домой на этот, когда раненый, короче, раненые, контуженные, они идут, там с палочками, перевязанные. То есть с фронта вернулись, скорее всего.

ТЕОНА (*запись из тг-канала Теоны, когда она еще была Федей*).

слушайте, я, кажется, начал приходить в себя! я это понял так: мылся в душе и вдруг почувствовал, что получаю удовольствие от потока воды, кожей — первый раз с начала войны. и от этого сразу стало ясно, насколько глухое было тело до этого.

ну, оно и сейчас глухое. но меньше.

это постепенно происходило. я прямо записывал в телефоне:

«16 марта — впервые стал танцевать» (немного, буквально подрыгался только. но было важно, что вообще поймал себя на маленьком желании делать это)

«17 марта — впервые стал петь» (я вообще в обычных условиях всё время пою, или хотя бы мычу: самый простой способ для меня привести мысли и тело в норму. и вот 17 марта поймал себя на том, что звук просто идёт, сам по себе. было коротенько, но было)

а сегодня — чистое удовольствие тела. это очень много для меня значит. тоже водораздел.

такая перемена, конечно, напрямую связана с тем, где я сейчас — и что за люди меня окружают, и что они делают. но я подробно про это напишу, отдельно — потому что там надо именно подробно.

и как бы с одной стороны — ну блядь ура! великая победа человечества — у Феди тело больше не глухое. ну пиздец теперь! но я пишу это не для того, чтобы пожаловаться на то, как мне было плохо, и не для того, чтобы заручиться поддержкой. просто фиксирую (и с большой радостью фиксирую) — кажется, сейчас будет больше сил, чтобы выживать, чтобы бороться, чтобы помогать другим.

это кайф.

ТЕОНА. Мне казалось, что как только у меня начнется гормональная терапия, это будет означать как бы кардинальное изменение в теле или во всем. И оказалось, что в конкретном случае это совсем не так. Было тоже смешно, что благодаря этому всему процессу, что нужно было сдавать анализы, все гормоны и все прочее, оказалось, что у меня аномально высокое количество тестостерона типа, у меня его больше в несколько раз, чем должно быть по возрасту, больше, чем норма типа 18 лет. И если бы его было еще чуть больше, то это было бы like a medical condition, в смысле, что нужно было с этим что-то делать. ...нет возможности чистый эстроген принимать. Я для гормональной терапии принимаю противозачаточные, и мне прописали с самым большим содержанием эстрогена, которые есть, как бы все равно, пока что это работает так, что ты бросаешь этот эстроген в океан из тестостерона. И поэтому как бы было вот это несоответствие ожиданий или того, что может произойти или того, что происходит действительности.

Но это в это же время оказалось и очень прикольной историей, потому что стало в теле понятно, что окончательная цель она очень как бы иллюзорная и в целом, то есть что такое именно, как должно выглядеть женское тело? Это мы и так знаем, что это конструкт, как бы стало максимально понятно, что это, в принципе, очень дрейфующая история и что можно получать очень много удовольствия и комфорта, и самого процесса движения к этому как бы какой-то, даже это не точка, а скорее, потому что мне всегда казалось, что это должна быть какая-то точка, что это целая плоскость, в которой ты и движешься.

У меня есть свой арсенал шуток про самую маленькую грудь в истории человечества. У меня сейчас, что для меня очень приятно, мне несколько лет назад, казалось бы, невозможным, что у меня партнерка пипец любит мою грудь и у нее свои собственные ритуалы взаимодействия с ней и всем таким, потому что-то у меня-то есть критические какие-то части взаимоотношения с собственным телом.

АЙС. Я всегда хотела в туалет. В школе даже предупреждали, чтобы меня посреди уроков отпускали, потому что я очень часто ходила в туалет. Кто-то то там выбирает, там не пойду, там где-то на улице, либо там грязно. Мне без разницы, мне главное, чтобы был туалет.

Ну, конечно, до пересадки за несколько лет я могла терпеть, а во время острой фазы у меня даже температура повышалась. Вот прям вот я захотела, и у меня такое

состояние, что я не могу понять, что я вот по нарастающей хочу. У меня вот так щелкает. Ой, я хочу в туалет, и мне надо бежать. И мне надо, чтобы туалет свободный. Просто в последнее время постоянно я хотела там, ночью я могла по шесть раз встать. В больнице единственное, было стремно, когда у тебя цистит такой. А туалет у нас в конце коридора, на все отделение один туалет, и он может быть занят. И я помню одну ночь. Кто-то, я не знаю, засел в туалете, мне прям плохо, тошнит прям не могу, а я прям терпеть не могла.

Был ржачный случай. Я стою, в магазине, и резко хочу в туалет. И у меня такое ощущение как будто я прям сейчас описаюсь. Я тихо подошла к кассиру, говорю: «Можно у вас в туалет сходить?» Она по рации передала там какому-то начальнику, начальник какой-то еще спросил у другого начальника. Потом они вызвали службу безопасности. Пришел мужчина: «Кто здесь хочет в туалет?» И забрал меня. Господи, там небольшой такой туалет, там не супертакой крутой, засранный такой. И людей не пускают. У нас есть магазин одежды. Раньше они меня запускали, а сейчас я пошла как-то относительно недавно. «Нет, у нас нету». «Вы как в туалет ходите?» «Она говорит: «Мы терпим». Я говорю: «Ну как блять можно терпеть!»

Мне в областной больнице, когда уже там сделали УЗИ, правильно все посмотрели, сказали, что у меня почки высохли. И вот тогда мне стало печальненько, я, конечно, поплакала. Ну, поплакали, покакали и дальше пошли. Собралась. Ну, блин, здесь деваться некуда. Мой терапевт смотрела: «Вот у вас тогда-то тогда-то был белок в моче. Почему вы типа не забили тревогу?» Я говорю: «Я откуда знаю? Вот каким образом я должна было знать?» У меня была состояние бесконечно тошнота, ломота в теле, даже элементарно я помыться не могла. Я мылась с перерывами, там немножко, потому что у меня мышцы все болели. Даже потереться не могла. Начинаю тереться, устаю. Всё, я потом сяду, сижу, потом опять начинаю, но где-то чтобы полностью помыться, мне надо было раза три сидеть, отдыхать

Я у сестры не хотела брать почку. Аягоз, ну, сестра сразу сказала, что отдаст. Я отнекивалась, не хотела. Она потом посылала ко мне тетя Галю, чтобы со мной договаривалась, маму. И типа я говорила: «Нет, чё за бред, для того чтобы свою жопу спасти, я тебя поведу на пересадку». Для меня это было вообще дикость. Я не знала, что может, например, если человек остается с одной почкой, что как бы одна почка может вся взять нагрузку всего организма на себя, она просто увеличивается и начинает работать сильнее.

Они изначально же проверили весь организм, что подходишь, не подходишь. Уточняли разрешает ли муж, не против ли дети, либо там, вы будете еще беременеть. По тканям мы подошли прям стопроцентно. Это родственная почка, она приживается сразу. Родственная почка, она сразу берет нагрузку на себя и начинает справляться. У меня сразу анализы пришли в норму.

Пересаженных держат в боксе. Аягоз лежала получается, в общей реанимации, там несколько людей лежало, а я в закрытом, я как бы все слышала, но я не видела их, потому что там окна выше были, не видно.

Запомнилась мне женщина, которая болела, с печенью у неё проблема была. Я типа говорю: «А у вас есть донор?» А она говорит: «Ну, как бы у меня есть сестра, но она не хочет мне давать». Я говорю: «Ну как так? Ну почему?» Она говорит: «Сестра говорит, мне надо работать. Насколько меня это выбьет из графика, из моей жизни».

БАБУШКА АНИ. (запись из дневника)

9 августа. В туалет ходила 2 р. Все кишки болят ужасно. Думала, что болит неделю и пройдет, но уже 9-й день, лучше не становится.

14 августа. Все дни слабость. Кружится голова, болит весь живот. Завтра к Семиглазовой. Может, сделает перерыв.

19 августа. Перерыва не будет, сегодня сдала кровь. Все дни пью преднизолон, от живота, от сердца. Живот болеть перестал. Какое же это счастье!!! Сегодня в туалете всё как у нормальных людей. Неплохо себя чувствую, сидела за столом и ела, ела, ела. Это такой аппетит после таблеток. Сегодня кручусь целый день, готовлю, ездили по магазинам. Сейчас приедут с Дуная Алиса, Аня и Гена. Вчера были в лесу, набрали целую кастрюлю черники. И я проходила столько времени. Когда не болит, хочется жить, думать, что будет завтра. Ну а уж когда плохо, тогда...

21 августа. Низкий гемоглобин, выписали железо. Юра делает уколы. Отпустили на неделю, потом в воскресенье анализ, дальше будут думать, что со мной делать. А я думаю, что делать нечего. Вчера в туалет не ходила.

20 ноября 2016 г серотон 552 (был 892) Вчера сделали в Песочной укол. 7 декабря в больницу. А хотела еще поехать в Москву. Химию делают сильнее. Страшно лезут волосы.

25 ноября 2016 г. Сегодня мне плохо, проснулась в 5 часов, из меня опять потекло. Расстроилась, и уснуть больше не смогла. Идти к гастро не хочу. Не хочу знать, есть ли у меня что-то в желудке или нет. И, конечно, жить около туалета тошно. Болит весь живот, но к этой боли привыкла, даже не пью таблетки никакие.

АНЯ. Она заболела, она болела восемь лет, у нее была онкология печени и восемь лет она лечилась. Мне было 13 лет, когда она заболела. По сути, она жила ну, как бы ради нас. И она там ставила себе, что ей нужно, чтобы я закончила девятый класс. Ей нужно, чтобы я закончила 10-й, ей нужно, чтобы я закончила 11-й, чтобы я поступила в институт. То есть она как бы жила до этого момента, и она была очень-очень сильный человек. Я знала, что она болеет, но я никогда не знала, как бы полностью всего ужаса этой болезни, что она испытывала. Она вела такой дневник, как бы дневник болезни, где она писала каждый день, врачи часто просят это делать. Она писала каждый день в этом дневнике про свое самочувствие. И потом она сказала, что она хочет, чтобы мы сожгли дневник ее болезни после ее смерти, но мы его, конечно, не сожгли. Был ковид, я училась в Англии, и я знала, что ей уже очень плохо. Я приехала и через три дня после того, как я приехала, она умерла. То есть она просто ждала меня, чтобы со мной попрощаться.

Она перестала дышать. Я просто поняла, что фотография, как бы, у нас стояла ее фотография на полке, на спальной тумбочке. Для меня эта фотография она живее, чем тело. И я поняла, что я в этой фотографии вижу больше ее. Она более живая, чем физическая оболочка. Моя мама, например, говорила, что она жалеет, что она не сразу, что она не стала с ней дольше сидеть в комнате, а я как бы просто сразу ушла. И сразу начала читать дневник ее болезни...

Я читала в ее дневнике, что там мы с Анечкой пошли, там не знаю, в Мариинский театр. Я помню, что мы с ней пошли в Мариинский театр. Дальше она пишет: «Я была в туалете, меня вырвало». Я как бы даже не знала, что это произошло.

Мы ходили на Щелкунчика. Это был, наверное, последний раз, когда ходили вместе на балет до ее смерти. Может быть, 19, наверное, год. Это семейная традиция. И бабушка очень любила Мариинку. Или мы ходили втроем я, мама и бабушка. И дедушка тоже. Или с ней вдвоем. Ну, вот я приехала на каникулы, и я каждый год проводила с бабушкой и дедушкой в Питере.

И да, я помню, помню, как мы ехали на трамвае, было холодно. На мне было надето такое черное платье с декольте, потом на мне была надета - была зима – это была такая дубленка, бабушкина кстати, дубленка, она переходила, сначала мама ее носила, потом я, она была синяя, очень красивая, и мы ехали на трамвае. Мы сидели вместе. И потом мы туда приехали. И у нас были такие очень хорошие места, довольно близко к сцене и потом мы ходили в буфет, конечно же, в антракте, самый основной момент похода в театр. Мне кажется, что мы пили кофе и бутерброд с икрой, может быть, пирожное картошка, такое есть. Мне кажется, вот кстати, помню, что, когда я была в буфете, и она пошла в туалет, это я помню, что вот она ушла. Она была одета: такая черная юбка, такая длинная, такая белая с синим блузка, черные ботинки на каблуках, такая советская, светская, модная женщина, такая очень типичная, мне кажется, такой типичный лук.

У нее всегда были такие очень приятные духи, такие сладкие. Я очень хорошо знаю этот запах, у нее всегда была как бы одна и та же помада такого нежно, такой красный, но не яркий, такой нежно розовый, нежно красный такой.

Мы с дедушкой вдруг как бы оба поняли, что она не переживет эту ночь. Был вечер, и потом как бы дедушка пошел спать, и уже как как бы мы понимали, что, мы поняли, что это начало происходить. И, в общем, я видела, как этот момент произошел, как она перестала дышать. И в этот момент, когда она перестала дышать, я поверила, что есть душа. Я как бы еще, не религиозная семья у нас, я не верю в Бога. И у нас в принципе в семье никто не верит в бога, и она тоже не верила в бога.

Ну я еще приехала, а они с дедушкой всегда ходили, делали мне подарки. У нас была такая суперновогодняя история, что мы дарим друг другу подарки, и они ходили в какой-то такой магазин. У них... в спальном районе они жили в Питере, они ходили в такое, ну, как бы в торговый центр, там был какой-то бутик, где они продавали итальянскую одежду, покупали мне все время там одежду. Я приехала, дедушка пошел и купил кофту, и уже без нее. Но она ее видела. И как бы я ее надела. И это было очень важно для нас, что она смогла посмотреть. Уже типа, там три дня, четыре дня до смерти. Такой как свитер, только такой очень теплый, с таким, как бы с молнией. Такая черно-белая. Такого американского спортивного стиля, с такой, как бы бабочкой красной, на спине крылья. Я вожу все эти вещи через все страны.

НИЛГУНА.

 Интересно, как я говорю сейчас

Интересно, как я разговариваю сейчас

Интересно, как звучит мой голос

Интересно, как я говорю сейчас. Я очень переживаю за женщину. Она с такими соплями выходила. Я очень за нее переживаю.

Интересно, как я сейчас разговариваю

Интересно, как я говорю сейчас. Скоро новый год.

Что делать? Нужно на елку сходить.

(из ежедневной практики упражнений Нилгуны с голосом)

Тогда были 90-е. Медицина сами знаете, какая была, тогда эпидемия была. Я всегда была таким беспечным ребенком. Я никогда не заботилась о своем здоровье, в отличие от своей другой сестры. Мне холодно, я не парилась. Вот тогда была эпидемия. Первое, что я сделала, а я заразилась. Эпидемия, корь, краснуха, что-то такое.

Мне шесть лет было. Ровно год я была в состоянии овоща. Я не ходила, ничего, никакие телодвижения, не подавала признаки жизни. Известный невропатолог, какая-то известная вот эта докторша пришла, посмотрела на меня и сказала маме, что «Вот эта девочка ходить никогда не сможет, вы от нее откажитесь, она не сможет ходить». И тогда мама взяла меня в домашнюю обстановку. Потом начала массаж, начала курс лечения самостоятельно, хотя моя мать не врач, ничего у нее, опыта, конечно, нет.

Где-то через год я начала ходить, я начала жить, а где-то уже в 9 лет я начала полноценно жить, без голоса, но полноценно жить, физически начала жить.

Я единственное, что помню то, как передо мной мама танцевала, чтоб меня развеселить. Потом я помню, как сестра со мной играла в мячик, чтобы я начала как ребенок за мячиком бегать.

Остальные воспоминания у меня просто стерлись.

Я связалась с фониатром, как их называют, специалистов по речевым дефектам. И там оказалось, что это может быть напряженность в шее, губы могут быть напряжены, нужно челюсть расслабить, нужно просто не слоги произносить, а звуки. Просто произносить звуки, широко открывать рот, чаще челюстью шевелить. Упражнения с челюстью. Упражнения с языком. Нужно надавить на вот эту нижнюю часть челюсти. Вот такие упражнения. Нужно произносить такие звуки, как, например, кошка, корова, какие детишки в садике произносят, такие и нужно. Ну, я сейчас делаю. Я чувствую, что речь сама возвращается немножко.

Упражнение «Лошадка»

Улыбнуться открыть рот и пощелкать языком (лошадка скачет)

Упражнение выполняется сначала:

- а) медленно (лошадка идет шагом);
- б) быстро (лошадка скачет быстрее)
- в) пощелкать самым кончиком языка (жеребенок скачет).

Нижняя челюсть остается неподвижной, губы в улыбке.

(из ежедневной практики упражнений Нилгуны с голосом)

Если б заново все вернуть, я бы снова себя впихнула в живот какой-нибудь памирки. Исторически так сложилось, что Хорог, Памир хотел присвоить себе Александр Македонский и он, и он не смог завоевать, и тогда он ушел ни с чем. После него Китай, по-моему, Китай что-то хотел его присвоить. Я не знаю кто, но кто-то нас присоединил к Таджикистану. Я боюсь тут лишнего сказать... Я довольна то, что я памирка, хотя и был период, когда я маме сказала, что как жаль, что я родилась памиркой. Потому что у памирцев бунтарский характер. Памирцы трудно поддаются, образно говоря, дрессировке.

Не знаю, почему у меня вот ненависть к операциям. Я их тяжело переношу. Я их стараюсь избегать. Много раз в жизни меня хотели прооперировать, и я как-то сегодня-завтра, сегодня-завтра. Хотели, конечно, все хирургическим методом исправить. Но я хочу, чтоб мой голос восстановился естественным образом.

(шепотом)

 Странно что шепотом я не говорю медленно, может мне шепотом всю жизнь говорить

(из ежедневной практики упражнений Нилгуны с голосом)

МАША. Мне кажется, все мы навсегда останемся мигрантами, навсегда. Но в какой-то меньшей степени, конечно, чем вновь прибывшие люди. Нет, это трагедия эмиграции, ты никогда не будешь своим, никогда. Я уже думаю на немецком. Я уже у нас по ментальности, по сознанию, может больше немка, чем русская. ...Но ты никогда не будешь местным, потому что твоя родина, она не здесь. Твой народ, если он есть какой-то, он тоже не здесь. Твое детство прошло не здесь, а детство это все равно это тогда, когда в нас закладываются очень многие коды. Вот то, что мы называем культурный код, вот они закладываются все-таки на родине. У меня ребенок в Берлине родился. Если его сейчас увезти из этого самого Берлина куда-нибудь там, ну. Там сейчас понятно, неактуально, но там через 10 лет в Россию, для него это будет чужая страна.

Моя мама была человеком с карьерой, она была одним из ведущих искусствоведов в городе. А переехав сюда в Германию, она стала уборщицей. Ну и один вот этот факт, думаю, что очень сильно по ней, по довольно еще молодому человеку ударил. И как с этим она справляется? Ну, примиряется просто вот с такой судьбой. Это, безусловно, очень важный и нужный труд. Но когда ты все-таки получил определенное образование, то есть призвание и ты уже сделал какую-то карьеру где-то, очень сложно делать вот такой даунгрейд и вдруг мыть туалет.

ГОЛОВАР. Ну, в Иркутске я знаю, что нерусским очень часто не сдают дом в аренду. Там есть такой стереотип, что бурят обязательно будет грязный какой-нибудь, неряшливый. Ну, у русских это типа сельский человек, но оно смешивается с бурятом. И вот так вот получается, ну, одновременно. В Улан-Удэ деревенских называют «головары» от слова типа «голова Ленина». Там в Улан-Удэ есть площадь, и на ней

очень большая голова Ленина и сельские буряты там очень часто тусовались, и от этого пошло это название «головары».

Был недавно случай в Улан-Удэ, там русский вот повторил этот стереотип, что бурят грязный, и он обязательно из деревни. В Улан-Удэ этот русский человек оскорбил бурятскую семью, пересказав все эти стереотипы, что вы грязный, потому что тут это русская земля, какой-то националистический бред выдал и смешал это со стереотипами о бурятах. Была перепалка, это там снимали на видео, это попало в сеть и в сети это распространилось, и резонанс небольшой появился, и там нашли эту шаурмечную, где этот русский работает.

Головар уже, как бы она уже практически потерял свой негативный окрас. Но этот негативный оттенок, он как-то перевернулся с ног на голову и стало как бы, бурят из поселка – он настоящий бурят, что он сохранил свою культуру, что вот городские буряты, они все обрусели, а наши сельские бурятские остались.

И вот стало модным, даже русские, которые из Улан-Удэ приезжают в какой-то другой регион, они там говорят, я головар. Мемные каналы бывают со словом «головар». «Головар» стало мемом.

ТЕОНА. Меня подкалывают, потому что я постоянно ржу в туалете просто так. Ну, потому что у тебя мысли еще какие-то думаются. Плюс, в общественных туалетах мне очень нравится коммуникация через надписи на стенах, когда ты можешь там типа читать сложные вещи, иногда поддерживающие сообщения, кто-то пишет типа «Жизнь говно», там кто-то внизу пишет «Да не, брат».

У меня была недавно смешная ситуация, когда уборщица в туалете спрашивала, у кого я ногти делаю. Почему-то у меня в основном спрашивают именно девушки, то есть такие женщины 50 плюс, я всегда им с большой гордостью рассказываю про свою подругу, которая делает маникюр.

Я с уборщицами суперсолидарность испытываю, как человек, которого многократно заставляли убирать туалет в доме родителей. С другой стороны, как бы так, это немножко смешно, что мы же все моем туалеты постоянно у себя дома. У всех есть отдельно щеточка для туалета и всего. Блин с уборкой еще есть такая штука, что это один из редких видов деятельности, у которой есть прямые последствия моментальные. Я, возможно, это чувствую, потому что очень много моей работы не имеет какого-то выхлопа прямого. То есть это очень теоретические вещи, которые ты не можешь даже потрогать, когда это тексты или видео, или еще что-то. Когда ты убираешь, ты буквально из хаоса создаешь порядок.

МАЛИКА. Я один раз плакала в туалете, потому что больше нигде было. Причем мне некуда было деваться. Я не хотела, чтобы кто-то знал, что я расстроилась. И рядом был только торговый центр. Я терпела, пока я дотуда не дошла, пока я не зашла в кабинку. Вообще идиотизм какой-то, плакать то есть, я считаю, но мне просто надо было поплакать, больше нигде было. Меня не видно. Я туда пошла. Что-то я там расстроилась, поссорилась, там чего-то, какие-то человеческие... Я не хотела, чтобы вообще кто-то видел, еще там рядом работа моя, вообще не надо никому...

АНЯ. Есть такое бомбоубежище, которое называется миклат, это общественное бомбоубежище. Оно находится внизу, и там есть туалет, там вообще все есть. А в квартирах у нас, ну, в Израиле есть квартиры, в которых уже внутри комнаты бомбоубежище, как комната просто. И у меня в семье как бы это такая комната, то есть ты туда заходишь и там просто сидишь, и туалет, может, конечно, у тебя есть туалет в квартире, но тебе оттуда значит надо выйти.

У меня просто было здесь недавно, у нас была сирена, у нас была тревога, я сидела в туалете, и я просто понимала, что я лучше сдохну. Я просто думала, что мне все равно как бы, я не пойду в это бомбоубежище, мне плохо. И конечно, забавно, что у тебя как бы настолько меняется приоритет. Ты думаешь: «Все равно умру».

МАЛИКА. Я прожила в этом туалете... Я если делаю, я делаю залпом. Я туда приходила рано утром, уходила поздно вечером, ночью, то есть я неделю просто сидела в туалете на строительных лесах. по-моему, просто еще одним слоем намазали, даже не помню, как это делали, цементным. Я взяла что-то, какие-то тоже уже забываю, лопаточки, что-то шпатели. И вот пока смесь была свежая на стенах прорезала рисунки рыб. Мне еще Марат сильно помогал, потому что я высоты боюсь, в какой-то момент все, что вверху, я планировала, он залезал. Причем это было довольно опасно. Он залезал на двери кабинок, уже там на них стоял и прорезал мои рисунки сверху. Потом еще был один рабочий, который тоже, уже в конце концов, как работа это была его, потому что я уже запарилась. Он там прорезал мне многие рисунки. И потом я покрасила, уже сама докрасила все. А потом я поняла, что, наверное, кому-то было странно, что я там торчу в туалете. Мне чёт даже в голову не приходило. Ой, я так гордилась этим проектом. Люди так: «Ааа, ну окей». Некоторым было такое: «что-то там в этом туалете сидит с утра до вечера». Людям просто непонятно было. Чё это же не круто в туалете сидеть.

Мне всегда тай эне (с кырг. бабушка по материнской линии) говорила, что – конечно, она не сильно верила в идею какой-то аристократии и так далее, но есть какие-то расхожие фразы, да – там она говорила типа «бедняк заплаты боится». Ну, типа не страшно какая-то, что-то такое, что-то ты починила, используешь, еще она говорила, что типа «Аристократ – это человек, у которого дома чистый и красивый туалет, вот так мне говорила. И я как-то: «Да, верю, я когда прихожу для меня туалет самое такое чистое место должно быть. Приятно же.

АРУНА. Я до сих пор не знаю, то ли я его наглючила, то ли что, поскольку была, так сказать, после Амстердама, там я чуть-чуть курнула травки, что я вообще редко делаю. Это был испанский городок Ситжес. Туалет был в скале. Я так и не поняла, было он платный или бесплатный. На входе там сидел мужик, вроде как принимал монетки. Но почему-то он их не просил. И вот я помню, я зашла, я была после, видимо, выкуренной сигаретки кое-чего. И я зашла, а в туалете играла музыка Битлз, как-то так журчала мелодия и из туалета открывался прекрасный вид на море. И вот я помню, я там, так сказать, пописала. Вот я вышла оттуда, и у меня до сих пор... Прошло много-много лет. И вот мне до сих пор кажется, что я этот туалет нафантазировала у себя в голове. Был он или нет. И это самое что-то было такое странное, очень красивое в моей жизни...

КОНЕЦ